

*Все события придуманы авторами.
Все герои вымышлены.*

Окно закрыто, а стойку на руках Федор научился делать в шесть лет. Но когда двадцать первый этаж — все равно стремно. И улыбка на лице немного клоунская. Но в остальном картинка идеальна. Плотные облака скрыли небо и дом напротив. Выглядит, словно серый задник в профессиональной студии. Да еще дождевые капли хаотично разрисовали стекло. Фигура в алом трико на фоне ненастья смотрится вызовом, приговором будням и скуке.

Федор сделал глубокий вдох, максимально напряг правую руку — и отнял левую от подоконника. Его слегка качнуло, нога коснулась окна. Будь оно *открыто* — мог потерять равновесие, полететь вниз. Опять слабина. Он мысленно выругался. Вернул левую руку на место, беззаботным сальто спрыгнул на пол. Сразу подошел к видеокамере, что была установлена напротив, на треноге.

Заголовок ролику он подобрал заранее: «Одни наслаждаются дождем, другие просто промокают»¹. Очень к философии паркура подходит.

¹ Автор Роджер Миллер.

Включил комп, начал монтировать. Наснимал он на восемьдесят шесть секунд, так что без проблем получилось выкинуть все несовершенное, смазанное.

Дальше — музыкальный ряд. Подростки — *его зрители* — несомненно, оценят бандитский рэпчик:

Just look in my eyes

And you will see Russian Paradise!¹

Просмотрел еще раз. Подошел с камерой к подоконнику. Открыл окно, выглянул вниз, снял страшную — дух захватывает — высоту. Добавил к видеоряду. И выложил ролик на «Ютьюб».

Первый лайк явился — двух секунд не прошло. Пока принимал душ, драил зубы, одевался в чистое — насыпалась почти тысяча. К вечеру — он не сомневался — перевалит за десятку. И комментариев множество. Для большинства — он бог. Но с десятков пугливых мамаш обязательно обольют грязью. Спортивный директор на работе опять будет гнать трэш, что уволит.

Кто спорит, «чайникам» он подает плохой пример — попытаются ведь повторить, дураки. Но правила, нормы и безопасность — это к спортивной гимнастике. А в паркуре стойку на руках у заурядной стены делают только лохи. Просто без опоры, на земле — тоже не круто. На табуретке, брусках — средний уровень. Вот отвесная скала или крыша небоскреба — высший пилотаж. У *открытого* окна было бы эффектнее. Но рискованно. Ничего, ему

¹ Ноггано. Russian Paradise.

только двадцать. Все впереди. Еще успеет догнать и перегнать Дэмьена Волтерса¹.

Впрочем, едва Федор вышел из комнаты, маска супермена мигом сползла с лица. Для своих подписчиков он кумир и герой. Провинциалы тоже могут позавидовать: живет в столице, кирпичный дом, трехкомнатная квартира. Но остальной контент — полный отстой.

Мебель древняя, унитаз треснутый. В кухне накурено — хотя мать и клялась, что будет ходить на лестницу. Брат Ярик — глаза, как всегда, долу — ожесточенно ковыряет старую ранку на руке. Родительница — в дрожащей руке кофейная чашка — на младшего ноль внимания. Уткнулась в телик, про орощение кишечника слушает. Лучше бы мелким занялась. Прекрасно ведь знает: нельзя, чтобы он тербил царапины. Если не остановить, раздерет свою же плоть до мяса. Но маме на Ярика плевать. Зато Федору заулыбалась, кофе отставила прочь, вскочила:

— Оладьи будешь?

Он принялся: в ее дыхании кофе, табак и коньяк. Подходящий наборчик для девяти утра.

Буркнул:

— Опять кираешь?

Мама виновато улыбнулась:

— Нет, Феденька, что ты! Только одну чайную ложечку в кофе! Я ж после ночной. Нужно расслабиться.

¹ Дэмьен Волтерс — профессиональный каскадер, тренер по гимнастике и фриранер.

Можно подумать, она напрягается — когда консьержкой их подъезд сторожит. И дрыхнет всю ночь в каморке.

— Зря ты, мам, — мягко упрекнул Федор. — Совсем сопьешься — как я с вами двоими слажу?

И сел рядом с братом. Уверенно накрыл ладонью его руку, оторвал от болячки. Ярик насупился. Втянул голову в плечи, сдвинул брови, пробует вырваться.

Старший обернулся к матери:

— Посмотри, как расковырял! Кровь идет!

Та раздраженно отозвалась:

— Ну, йодом помажь. Дать?

И ни капли сочувствия в голосе.

Федор где-то читал, что женщина способна хранить верность только семь лет. Мать продержалась восемь.

В два года младшему поставили диагноз: аутизм, синдром Аспергера. Папаша и раньше в дела семьи особо не лез, проводил время с друзьями, бегал на лево. А тут быстренько свалил — навсегда.

Мать — та без колебаний бросилась бороться. Иступленно таскала Ярика по врачам, развивала, учила. Радовалась мелочам мелким: сам зубы почистил! В магазин сходил без истерик.

Но однажды понесла ее нелегкая к абсолютной звезде — академику, мегаавторитету по детскому аутизму. Полгода ждала, пока очередь на прием подойдет, жуткую сумму денег отвалила за консультацию.

На форумах про доктора писали: «Этот всегда правду скажет». Светило и рубанул: «Перспектив улучшения нет, социализация маловероятна, обучение по школьной программе исключено даже в домашних условиях».

Мать и до поездки к академику из последних сил держалась. А когда услышала, что бороться бесполезно, — в одночасье погасла. Забросила развивающие методики, перестала таскать Ярика во двор, чтоб учился общаться. Начала попивать.

Федору тогда было уже шестнадцать. Он входил в сборную Москвы по спортивной гимнастике, постоянно мотался по тренировкам, ездил на сборы и дома бывал редко. Больной братик — если видеться с ним только поздними вечерами и по редким выходным — его особо не напрягал. Да, разобраться, что бормочет Ярослав, проблематично. А когда тот начинал одно слово по сто раз повторять — просто бесило. На улице мог опозорить: на землю упасть, заорать. И голова вечно долу, будто нашкодил. Зато если все-таки взглянет в глаза — светились в них преданность похлеще, чем у японской собаки Хатико. Врачи уверяли, что аутисты ни к кому не имеют привязанности, но Федя считал — полное вранье. И лично за него младший брат жизнь отдаст.

Спортивная гимнастика — занятие стремное. Перелом лодыжки или ключицы считается мелочью. Федя тоже получал травмы, по счастью, легкие. Зато доводилось навещать в больницах тех приятелей по команде, кому повезло меньше. Поэтому он

искренне считал: куда лучше быть аутистом, чем сломать шею или седьмой позвонок. Тем более что у брата синдром Аспергера, не самый из всего аутизма тягостный вариант. Да, говорить Ярик не любил и книжки читать не мог. Но мозги в какую-то странную сторону у него работали. Трехзначные числа перемножал, в шахматы Федора делал. И дрессировке, пусть трудно, но поддавался. Федя — хотя мать и возражала — научил Ярика мыть посуду. Получалось у того крайне медленно, и разбивал половину, зато очень уж лицо ржачное. Будто ни разу не повинность, а великую миссию выполняет. Долго разглядывает тарелку под всеми углами, крутит ее, вертит, чрезвычайно бережно касается губкой. Один предмет — пятнадцать минут.

— На воде разоришься, — ворчала мать.

— Пусть помогает, — улыбался Федор.

И чувствовал себя почти счастливым. Лучше хоть какие-то мать и брат, чем совсем сирота. У них на спортивной гимнастике был один парень из детского дома. Очень красочно рассказывал: про карцер и как в столовке за хлеб драться надо.

А потом случился переломный момент.

Однажды ярким субботним днем мать буднично заявила, что больше терпеть не может и вчера она подала заявление, чтобы Ярика отправили в интернат.

— Куда? — опешил Федор.

— Ну, к таким, как он, — пожалала плечами родительница. — Ему лучше будет.

— Ты серьезно?

— Парень растет, агрессивным становится. Вчера у малышей во дворе мячик отнял. И бросил под машину.

— Ох, какой ужас! — хмыкнул Федя.

— Ты смеешься, — поджала губы мать, — а мне женщины сказали: еще раз на площадке появимся — полицию вызовут.

— Они не имеют права.

— Федя, — в маминых глазах заблестели слезы, — ты дома редко бываешь. Поиграешься с братом полчаса — и опять исчез. А я с ним целыми днями. Он скоро будет подростком. Ты понимаешь, что это значит? Аутисты себя контролировать не умеют. Он уже вчера в спальне под дверью стоял, когда я переодевалась. И подглядывал.

— Ему всего двенадцать!

— Но он просто глаз с меня не сводил! Я боюсь! — прижала руки к груди.

Старший сын промолчал.

Забавное совпадение. Ему вчера тоже предложили полностью изменить свою жизнь. Перейти из обычной школы и секции на казенный кошт, в училище олимпийского резерва. То есть дома вообще не бывать. Тренировок еще больше. Зато перспективы — поездить по миру, что-то выиграть.

Мать, конечно, одобрит. Всем уже раззвонила, что Федор — кандидат в сборную России, скоро золотую медаль привезет.

И будет счастлива обоих сбагрить, пьянствовать в свое удовольствие.

— Ты уже ездила в интернат? — спросил Федя.

— Зачем? — удивилась она. — Документы пока не готовы.

Федя отправился сам. Посмотрел, ужаснулся. Палаты на десятерых. Хлорка, кислая капуста, санитарки в грязных халатах. Пациенты — отрешенные зомби. Какое там мытье посуды или шахматы! Месяца не пройдет — Ярик и говорить разучится.

«А если я с бревна сорвусь, мать меня в другой интернат засунет. Для парализованных».

Осуждать или переубеждать не стал.

Другую все равно взять неоткуда.

Но Ярика в интернат отпускать нельзя.

На хрен медали. Все равно единицам достаются, а у них только в потоке больше ста человек.

Мать решила свое, а он — свое.

Вместо училища олимпийского резерва порвал с гимнастикой и взял Ярика полностью на себя.

Мать ужасно оскорбилась, что ребенок, не спросив ее разрешения, посмел бросить спорт, и ударилась в конкретный запой. Федор запаниковал. Как в школу-то ходить? Оставлять дома пьяную маманю и больного брата никак нельзя. Квартиру спалят. Сначала думал на домашнее обучение проситься, но это ведь сам с ума сойдешь — целый день ухаживать за инвалидом, да еще и уроки учить.

Засел за форумы и отыскал: неподалеку от дома имеется Центр реабилитации больных аутизмом. Коммерческий.

Дорогим оказался, зараза, зато работать начинал с восьми утра. Федя успевал *отвести дитя в садик* и почти не опоздать в школу.

Ярик согласился ходить в Центр без капризов. Местечко оказалось милое, похожее на дом отдыха: свой сад, цветы, дорожки, фонарики светодиодные.

На ресепшене восседала улыбчивая рыженькая болтушка и красавица Ксюша. Педагоги — сплошь молодые и даже неформальные, кое-кто щеголял в рваных джинсах или пирсингом сверкал. Методики, как ему рассказала начальница, применялись самые современные. Брат за пару недель научился собирать кубик Рубика и разборчиво, металлическим голосом робота, говорить: «Здра-вствуй-те».

Только вот никаких льгот для их неполной семьи не полагалось.

На то, что в будни, с восьми до двух, Ярик находился в Центре, уходила вся его немаленькая инвалидная пенсия. Надо оставить на подольше — платить нечем. От матери с ее зарплатой консьержки толку мало.

И опять Федя нашел выход. Спортивная гимнастика сейчас мало кому нужна. Но если ты умел делать сальто, то легко мог освоить стремительно входящий в моду паркур.

Он пересмотрел кучу роликов, кое-что натренировал, показал в школе на уроке физкультуры. Народ прифигел. А физрук сам предложил секцию открыть. Вместе.

Двоем отправились к директору. Начальство одобрило. Официально Федора оформить не могли, но конвертики каждый месяц он получал.

Даже парни из обычных семей завидовали: им, чтобы девчонку в кино сводить, приходилось у ро-